

Я уже поубивал столько народу!

Актер театра и кино Валерий БАРИНОВ сыграл семьдесят ролей, после чего перестал их считать. Знаменитым он проснулся после картины "Агапэ", где сыграл маленького человека, ставшего жертвой наглого "хозяина" нынешней жизни. Популярность Баринова возросла после телесериала "Петербургские тайны", где он предстал в роли отпетого мерзавца Хлебонасущенского, купившего невинную девушку. В недавней работе – фильме "Дом для богатых" – Валерий Баринов создал неоднозначный характер реформатора, который хочет, как лучше, но получается, естественно, как всегда. А на сцене Малого театра Валерий Александрович сыграл много ярких образов, в основном в пьесах Островского. "Я переиграл столько всяких подлецов и негодяев! Положительных героев у меня тоже не так уж мало, но они не столь ярки. Потому что отрицательные, как правило, драматургами выписываются ярче. Почему я специализируюсь в этом амплуа? Режиссеры привыкли ко мне в этой ипостаси. Один раз сыграл хорошо – и поехало!", – говорит актер.

– И какая же роль вас "сгубила"?

– Влас в фильме "Строговы". Су-тяга, мещанин. Про меня стали говорить "актер отрицательного обаяния". Играешь всякую мразь, а зрителю почему-то хочется такого человека понять и простить. Однако мне по душе актеры положительного обаяния, такие, как Валерий Носик, Юрий Васильев. Вот я даю интервью и поневоле стараюсь показать, какой я хороший. А коллегам, о которых я говорю, не надо было производить хорошее впечатление. По Юре Васильеву я проверял свои проступки: как он отреагирует? Но я, каково бы злое ни играл, хотел, чтобы его понимали.

– Слышала, что авторы и актеры в творчестве выпаскивают из глубин души то, что подавляют в жизни, – и становится легче.

– Не всегда. Иногда, если в фильме или спектакле кого-то убью, потом не могу заснуть. А я-то поубивал столько народу! Зарезал, задушил... Что ни роль – какой-то черный омут. Но бывает, отыграешь – и словно очищаешься от черноты, глубоко в тебе сидящей, затаенной. Затаенное всегда интересно. За роль в фильме "Агапэ" я получил Гран-при на фестивале российского кино во Франции. Французы называли меня русским Жаном Габеном. В театре очень смеялись. Например, сижу в буфете, пью кофе, задумавшись о чем-то, а мне говорят: "Габенишь?" Но, если серьезно, Габен привлекал тайной. Вот он уходит от камеры, потом поворачивается и снова уходит. А зрителю опять хочется увидеть его лицо. Я много раз просматривал его фильмы, чтобы постичь тайну Габена.

– Когда вы решили стать актером, вероятно, обо всем этом не думали?

– Конечно. Я вышел на сцену в шесть лет, в моей родной деревне, в Орловской области, – на смотре художественной самодеятельности. Читал стихи о поджигателях войны. Меня премировали огромным кулком шоколадных конфет. Это были первые шоколадные конфеты в моей жизни. И дали грамоту. На ней был нарисован дом с вывеской "Клуб". Это было мое первое в жизни слово, которое я прочитал. Я подумал: "Хорошо выступать в клубе, за это еще и конфеты дают". Я еще и пел хорошо. Пою и сейчас. В фильме "Вишневый омут", в том же "Агапэ". В театре исполнял песню извозчика: "Как на речке было, на Фонтанке..." Когда мне было восемь, я впервые пришел в театр, как зритель. В Орловский драматический. Пьеса называлась "Голос

Америки". В ней были показаны американцы. Меня потрясли две вещи. То, что люди сидят, положив ноги на стол, а также огромное бу-тафорское дерево. У нас в Малом театре тоже предпочитают реалистические декорации, что меня в нем, кроме всего прочего, привлекает. Меня, ребенка, поразила еще и оркестровая яма. Я недоумевал, как же люди из нее вылезут, когда захотят пойти домой? Так началась моя любовь к театру. О кинематографе я не думал. В юности работал на заводе и в том же Орловском театре рабочим сцены. Когда в Орле открыли двухгодичную актерскую вечернюю студию, я стал там учиться и играть в массовке. Послал запрос в Школу-студию МХАТа, однако считал: если останусь в Орловском театре, это будет пределом моих мечтаний. Но в Москве начал поступать во все театральные училища, и нигде меня не отвергли. Однако поступил все-таки в Щепкинское училище, к Коршунову.

– Вы азартный человек?

– Да, игрок по натуре. Недавно в Сочи, на фестивале "Кинотавр", проиграл в казино.

– Сколько проиграли?

– Не скажу. Зачем жене это знать?... Я человек увлекающийся. Много лет ходил на ипподром. Знал родословные всех лошадей! И вот странность: если выигрывал, то грустил – мол, мог бы выиграть больше. Если проигрывал, чувствовал себя бодрым: дескать, ничего, ничего, подумаешь, еще повоюем! Сейчас на это увлечение нет времени. Я страстный футбольный болельщик. Футбол – это моя вторая жизнь. Если все хорошо, но проиграла моя любимая команда "Локомотив", считаю: все плохо.

– Что для вас сегодня важнее – театр или кино?

– В театре сейчас куда больше интересного. Кинематограф, его развитие вызывает у меня страх. Происходит идеализация бандинтизма. Чем отличается гений от примитивного человека? У примитивного человека в экстремальной ситуации наготове один вариант поведения. У человека, обладающего большим знанием о жизни, более образованного, более умного, – два, три, четыре варианта. У незаурядного – десять. Это вроде пирамиды. На ее вершине – гений. С пятнадцатью вариантами поведения. Так вот, молодой человек, вступающий в жизнь, ищет варианты поведения. Как он будет жить? Да и попросту: как одеться, кому уступить место в трамвае? Ему нужен образец. Хотим мы того или не хотим, любая информация идущая с экрана или со сце-

В. Баринов

ны, откладывается в сознании зрителей и предлагает им варианты поведения. Я многое простил латиноамериканским сериалам, когда узнал, что некоторые матери, бросившие детей, посмотрев эти фильмы, стали разыскивать своих сыновей и дочек. Но в последнее время в российских фильмах появилось слишком много романтизированных бандитов. Положительным героям из так называемого социалистического реализма была свойственна сверхнравственность, несгибаемость – мы сейчас на это сетуем. Но эти герои давали пример нормального поведения. Они показывали, что такое хорошо, что такое благородство. А теперь нам на экране показывают "благородного" бандита, стреляющего, в кого хочется, направо-налево гуляющего с женщинами, колочущего, нюхающего отраву. Боюсь, мы очень дорого заплатим за этот разгул романтического бандинтизма на экране. Тем более что бандитов хорошо играют хорошие актеры! Я не считаю, что такие фильмы надо запретить, но обо всем этом следует очень серьезно задуматься. Пока не поздно. А может, уже и поздно.

– Кто должен задуматься? Творцы? Спонсоры?

– То-то и оно. Боюсь, что музыку заказывают те самые, с золотыми цепями и бритыми головами. Теперь навесившие свои цепи на кинематограф. Кино, конечно, очистится, все равно будут создаваться хорошие фильмы. Они и сейчас есть. Но я больше верю в живучесть театра. Потому что это искусство не зависит от сторонних людей.

– Ну как же? Многие московские театры благодарны мэру Лужкову за субсидии.

– Да, лучше, чтоб попечители у театра были, но по сути театр независим. Есть я – артист, есть вы – зритель. Два самых важных компонента. Если они существуют, не нужен попечитель, не нужен никто. Если я

сумею вас заинтересовать, спектакль состоится. На площади, во дворе, на крыльце – где угодно. Столкновение эмоций зрителя и актера, разделенных не обязательно рампой, любой условной линией, – вот тут-то и начинается чудо театра. А для кино нужна пленка, камера. Кино не обойдется без техники. И вот вам результат: искусство зависит от денег. Без них театр может засверкать, а кино – нет. Боюсь, что очень долго деньги кинематографу будут давать люди с золотыми цепями.

– Валерий Александрович, популярность чаще радует актера или тяготит?

– Мне она и добрую, и злую службу недавно сослужила. Заказал я железнодорожный билет. А нынче ведь в кассу надо сообщать фамилию. Кассирша говорит: "Здравствуйте, я вас узнала. Рада вас видеть!" Ищет, ищет мой билет – не находит. "Извините, сейчас выпишем новый". И выдает мне билет, на котором значится "моя" фамилия: Хлебонасущенский. Что ж, фильм "Петербургские тайны" людям понравился. И вот феномен: мой персонаж – негодяй, а ко мне кассирша отнеслась с симпатией.

– Над чем вы работаете сейчас?

– В основном над сериалами. В новом фильме с рабочим названием "Оборотень" играю старого следователя, а в историческом фильме о Столыпине – главную роль.

– С возрастным гримом?

– Нет, я без грима состарюсь. Рад, что играю положительного героя именно в телевизионном фильме. Ведь телесериал уже приучил зрителя к тому, что я играю мерзавцев. Да, опасны телесериалы для актеров: и популярность приносит, и на штампы обрекают.